

ЕЛЕНА АРСЕНЬЕВА

Последняя любовь
миллионера

Двойной
крутой
детектив

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
А 85

Оформление серии *Н. Никоновой*

Арсеньева Е.
А 85   Последняя любовь миллионера ; Ночь
            темна : романы / Елена Арсеньева. — М. :
            Эксмо, 2013. — 544 с. — (Двойной крутой
            детектив).

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-63640-2

© Арсеньева Е., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

Ваш нежный рот — сплошное
целованье!

М. Цветаева

...Нас — много. Мы не умеем считать, мы не знаем точно, сколько нас, знаем только — много. Мы собраны сюда, в нашу темницу, из разных мест, и сначала мы поглядывали друг на друга настороженно, надменно. Мы ведь разные! Каждый из нас — сокровище сам по себе. Но сущность у нас одна — сущность прозрачного сверкающего камня, из-за которого люди способны совершать безумства.

Каждый из нас многое мог бы порассказать о своей судьбе! Рассказать о тех руках, которые вынимали нас невзрачными, грязными, бесформенными комочками из синей глины, счищали ее, прятали нас в самых немыслимых местах, вынося из промерзлой тайги или вывозя из душных тропических стран. Мы переходили из рук в руки. Нас разглядывали в лупу и на свет, нас бросали на чашу весов, за нас отсчитывали золотые монеты и смятые ассигнации. Лица мелькали над нами — бородатые лица мужиков и пиратов, сморщенные от хитрости лица ювелиров, бледные от алчности лица дам и господ — тех, кто покупал нас и продавал. Нас ограняли, обрамляли золотом или платиной, нас вдевали в уши или на низывали на пальцы, нас возлагали на головы или окружали нами шеи, запястья, прикалывали к одежде в виде брошей или орденов. Рядом с нами меркли все прочие камни, и мы с презрением взирали на разные там сапфиры и рубины, на изумруды и топазы, которые люди по глупости своей пытались нам противопоставить.

Тщетно! Они однообразны и унылы, они — только синие, только красные, только зеленые, только желтые. Мы — о, мы... Мы воплощаем в себе бесчисленность, бессчетность,

4   бесконечность! Что может соперничать с нашей невозмутимой сверкающей прозрачностью, с этой чистотой, в которой сосредоточено все многообразие красок и цветов, с этим холодным сверканием, в котором таится жаркая, живая, ослепительная игра солнечных лучей?

Ничто не сравнится с нами — и по красоте, и по умению дурманить человеческие головы. Нас не раз обагрjali кровью, однако мы остаемся по-прежнему блистательно чисты и невозмутимы, осознавая свою царственную сущность. Алмаз — император всех камней!

О, это воистину так. Мы знали, что мы — всемогущи. Ради обладания нами люди предавали и убивали друг друга. Мы были для них превыше всего! Но они напрасно думали, что обладают нами. Это мы, мы обладали ими! Одна наша хозяйка, надевая нас и вертясь перед зеркалом, называла нас любимой игрушкой красавиц. На самом же деле и красавцы, и красавицы, и уроды, и дурнушки забавляли нас, были нашими игрушками. Мы делали с ними что хотели. Мы вершили их судьбы.

И вот однажды случилось нечто непонятное... Руки нашей хозяйки, которые прежде касались нас так любовно, с таким восхищением, дрожали. На нас капали ее слезы. Мы помним, как нас выламывали из наших насиженных, привычных гнездышек-оправ, варварски, торопливо разрушая их. Потом нас ссыпали вместе, в один мешочек, словно мы были какими-то пошлыми горошинами, предназначенными для супа. Мы с возмущением терлись друг о дружку нашими отшлифованными, виртуозно оgranенными боками, мы ворчали, мы похвалялись друг перед другом своими историями, мы кичились своей древностью и ценностью и бранили людей, которые смеют обращаться с нами так небрежно, так неуважительно.

Мы помним, как нас куда-то несли... Потом раздался крики. Что-то загрохотало. Потом настала тишина.

С той минуты про нас забыли... Мы лежали в тишине, в темноте, медленно, но верно обрастая пылью и грязью. Мы ждали, когда за нами придут, чтобы вернуть нам прежнее величие, подобающее нашему царственному сану. Мы умеем ждать, ведь мы — порождение земли, мы столь же древние, как сама планета наша. У каждого из нас позади — вечность и впереди — вечность, люди — это

ничтожные, мгновение живущие мошки по сравнению с нами. Однако люди нужны нам для того, чтобы вернуть нам блеск, чтобы восторгаться нами! Мы тускнеем и меркнем, когда на нас не смотрят восхищенные, алчные глаза людей!

5

Но мы знали, что наш час настанет, и терпеливо ждали. И вот наконец-то нас нашли! Солнце заиграло в наших гранях. Мы увидели восхищение и алчность в человеческих глазах. И мы снова ощутили себя властителями человеческих судеб. Мы снова почувствовали, что правим миром!

* * *

Часом позже Фанни не обратила бы на него никакого внимания. Часом позже она его просто не заметила бы в той суеде, которая начинается в Париже с семи утра и заканчивается около полуночи. И здесь, на мосту Пон-Неф, тоже воцаряется жуткая суеда. Автобусы, автомобили, пешеходы... Кому надо, переходят или переезжают через Сену из правой части города в левую и наоборот; кому надо, спешат на остров Сите или оттуда... А главное, с самого раннего утра на парижских мостах начинают болтаться туристы. Туристы обожают парижские мосты, особенно Пон-Неф! Впрочем, чего только не обожают эти самые туристы! Они ретиво вползают на Монмартр, пыхтя и отдуваясь на крутых улочках и почти вертикальных лесенках; слоняются в галереях Лувра; торчат на площади Конкорд, пытаясь обрызгать себя и других водой из фонтанов; топчутся под Эйфелевой башней, истово закидывая головы и рискуя переломить шею; кружат возле Нотр-Дам, разглядывая горгульи-химеры... — ну и вообще кучкуются в тех местах, которые считаются обязательными пунктами посещения для всякого уважающего (и даже не уважающего) себя иноземного вояжера, наконец-то сподобившегося оказаться в знаменитом Париже. Особенно много среди них почему-то японцев (такое ощущение, что гораздо больше, чем в самой Японии!), которые (еще одно ощущение) не спят ни днем ни ночью и вечно обвешаны самой передовой видеотехникой в мире, а также фирменными пакетами самых дорогих магазинов. Они

6 не выпускают из рук карты Парижа и посреди Елисейских Полей непременно пристанут к вам с вежливыми поклонами и сдержанной мольбой указать, где здесь находится Мулен-Руж, на бульваре Клиши они ищут Вандомскую колонну, а в Тюильри придирчиво вглядываются в статуи, пытаясь выяснить, не эта ли нагая мраморная дама — бронзовый памятник знаменитому Анри IV?.. Правда, Эйфелеву башню все туристы и даже японцы, как правило, находят самостоятельно. Наверное, потому, что она видна практически отовсюду, особенно с парижских мостов.

Ах да, так вот о мостах! Вернемся на один из них.

Итак, часом позже Фанни его ни за что не заметила бы в этом укромном уголке в самом начале Пон-Неф. Как раз там, где пешеходная дорожка сворачивает с набережной Лувра на мост, стоят на парапете два чугунных фонаря. Между ними — изгиб каменной ограды моста и полукруглая каменная скамья. Вот уже почти год, в любую погоду, каждое утро в шесть тридцать пять (ровно в шесть подъем, пятнадцать минут на торопливое умыванье и одеванье, двадцать минут трусцой от ее дома на углу рю де ла Бурз и рю де Колонн) Фанни замирает рядом с этой каменной скамьей и кладет руку на парапет. Он серо-белый и в мутном свете раннего утра кажется мертвенным, изрыт раковинками, оставленными временем и досужими прикосновениями все тех же туристов. Раковинки черные — Фанни повторяет про себя, что они забиты не грязью, а пылью времен. Кстати, настоящий нормальный парижанин (если, конечно, он не историк и не поэт) такими высокопарностями не мыслит — метафора насчет пыли времен могла прийти в голову только туристу. Ну правильно, это были слова Лорана, которого, правда, трудно назвать туристом. Но и парижанином он не был. И никакой он был на самом-то деле не Лоран, это Фанни его так стала называть, чтобы не ломать язык на его невероятном, несусветном, варварском имени...

Они впервые встретились именно здесь, возле этой каменной скамьи, где сейчас стоял какой-то парень, перегнувшийся через парапет так низко, что Фанни видела только его туго обтянутый сизыми джинсами зад и ноги, казавшиеся чрезмерно длинными, потому что он

приподнялся на цыпочках. Какое-то дурацкое мгновение Фанни верила, что это Лоран. Но нет, конечно: незнакомец был слишком худой, слишком мелкий. И у нее слезы подкатили к глазам — потому что этот тщедушный парень, нагло задравший свой зад над парапетом, занял ее святое, ее священное место, ее Мекку, куда она прибегала, словно смиренная паломница (если предположить, что паломницы, тем паче смиренные, способны бегать, а не брести, тащиться, влачиться... или что они там вообще делают в своем пути к святым местам), уже почти год в тщетной надежде вернуть невозвратимое.

Фанни и сама понимала, что надежда эта напрасна, глупа и смешна, однако ничего не могла с собой поделать. Отчего-то ей казалось, что если Лоран решит вернуться к ней, то не приедет в ее быстро, не позвонит, не подкараулит около дома, а однажды рано утром явится сюда, на Пон-Неф, и станет ждать ее, опершись на серо-белый мертвенный парапет и поглядывая то на набережную Лувра, откуда должна появиться Фанни, то на другой конец моста, где голуби еще дремлют на голове, плечах и чрезмерно широком кружевном жабо зеленого, бронзового Анри IV (ну да, памятник ему находится именно здесь, на Пон-Неф, и бессмысленно искать его в любом другом месте, будь это даже сад Тюильри!).

Лоран придет именно сюда, потому что здесь, на этом самом месте, они с Фанни встретились год назад.

Вот таким же ранним февральским утром она стояла, низко перегнувшись через парапет, и смотрела на куклу, которую темно-зеленая вода Сены несла под мост. Кукла была роскошная — с распущенными темно-рыжими волосами, которые вились за нею наподобие водорослей, и в длинном белом платье. У нее было ярко намалеванное лицо с наивным, блаженным выражением, как будто ей страшно нравилось колыхаться в ледяной воде под бледным утренним полусветом, изливавшимся сквозь серые войлочные тучи. Откуда она тут могла взяться, интересно знать, если Сена пуста? Откуда свалилась? Нет в обозримом пространстве никакого суденышка, ни яхты, ни бар-

8   жи, ни плавучего ресторанчика, и даже прогулочным катерам «Batobus» еще рано фланировать по Сене... К примеру, происходи дело в восемнадцатом веке, можно было бы подумать, что какая-нибудь отчаявшаяся узница (может быть, даже сама королева Мария-Антуанетта!) выбросила ее из окна Консьержери, чьи округлые башни, ныне объект туристических вздыханий, когда-то наводили трепет и ужас на парижан. Однако сейчас в Консьержери не тюрьма, а музей, и некому там швыряться куклами! Наверное, куклу уронили с какого-нибудь моста или с набережной... Хотя вообразить прохожего (даже туриста, даже японца!), который прогуливался бы с куклой в обнимку в шесть тридцать утра по мостам или набережным Парижа, а потом бросил ее в воду, словно совершил некое жертвоприношение... Жуть какая!

И впрямь, в этом зрелище — плывущая по Сене нарядная кукла с распущенными волосами — было нечто жуткое и в то же время завораживающее. До такой степени завораживающее, что Фанни не могла отвести взгляд от белой фигурки, которую течение затягивало все дальше и дальше под мост. И она наклонялась все ниже, провожая ее глазами, как будто для нее было страшно важно увидеть, как кукла скроется под мостом: наткнется, к примеру, на каменную опору или проскользнет мимо.

Ну вот, значит, она наклонялась ниже и ниже, и вдруг ее кто-то ка-ак схватит сзади за бедра, ка-ак рванет назад, оттаскивая от парапета! Фанни взвизгнула, обернулась, даже размахнулась, чтобы дать пощечину обнаглевшему клошару. Отчего-то она вообразила, что на такую наглость способен только неспавшийся клошар, поднявшийся с одной из многочисленных вентиляционных решеток, которые теперь все стали ночлежками клошаров, потому что оттуда веет теплым воздухом... Канули, канули в прошлое те времена, когда бездомная нация ночевала под мостами, стараясь не оскорблять взоров достопочтенных парижан живописным зрелищем своих лохмотьев... Однако Фанни увидела пред собой вовсе не клошара, а весьма тщательно одетого господина, который на дурном французском языке сказал:

— Извините, я испугался, что вы упадете прямо в воду.

На вид ему было лет сорок, а может, сорок пять. «Моложе меня», — привычно отметила Фанни и привычно огорчилась, что с некоторых пор все привлекательные мужчины вдруг сделались моложе ее. Он был среднего роста, с темными волосами и холодноватыми серыми глазами (неотразимое сочетание для Фанни, которая терпеть не могла однообразия типа: светлые глаза — светлые волосы, темные глаза — темные волосы, прощая это последнее сочетание только самой себе), со свежим румяным лицом и не то смущенной, не то дерзкой улыбкой. Фанни мгновенно оценила элегантную куртку от «Барбери», запахнутую чрезмерно широко для столь сумрачного и столь раннего утра — с явным намерением продемонстрировать щеголеватый пуловер из настоящего кашемира... Бог знает отчего ей вспомнился ехидный диалог из Дюма: «На нем все новое, он одет с иголочки... Вот именно, у этого господина такой вид, словно он впервые оделся!»

Оба они, Фанни и этот господин, спустя всего лишь год с небольшим станут сообщниками в убийстве, но пока, разумеется, они об этом даже не подозревают. Нет, непосредственно своих рук кровью они не обагрят. Однако роли в предстоящей трагедии сыграют отнюдь не второстепенные, и если бы то убийство, которому еще предстоит совершиться, когда-нибудь стало предметом судебного разбирательства (а этого не произойдет, оно так и останется нераскрытым), то и Фанни, и этот тщательно одетый сорокапятiletний господин были бы названы сообщниками убийцы и подстрекателями его. То есть тоже заслуживали бы наказания. Но их минует чаша сия...

Итак, Фанни вспомнила цитату из романа Александра Дюма-отца и невольно улыбнулась. И не выругалась незнакомцу в лицо (хотя она могла и умела ругаться так, что столбенели даже мужчины!), а сказала почти приветливо:

— Здесь довольно трудно упасть прямо в воду. Вот посмотрите — буквально на метр ниже парапета довольно

10   широкий каменный выступ. Сначала свалишься на него и легко удержишься. Если, конечно, человек не пьян и у него нет особого желания покончить с собой.

— А у вас такого желания нет? — спросил мужчина с оттенком недоверчивости.

Фанни усмехнулась и подумала: «Ну и вопросик! Так я тебе и скажу!» И вдруг, совершенно неожиданно для самой себя, ответила с пугающей откровенностью:

— Вообще-то, и у меня возникает иногда такое желание. Как у всякого нормального человека, я полагаю. Правда, ко мне это желание приходит между четырьмя и пятью утра, когда я курю одна возле кухонного окна и с трудом удерживаю себя, чтобы не выкинуть во двор мой «Житан» и не броситься следом. Но сейчас-то уже седьмой час, время моих суицидальных помыслов осталось позади...

— Скажите, мадам, а что вас удерживает от того, чтобы не броситься вслед за сигаретой? — спросил мужчина на довольно неуклюжем (кажется, он иностранец), но порывистом французском. — Мысли о ваших детях, которым будет вас не хватать? О любимом мужчине? О родителях, которым нужна ваша забота?

Мгновение Фанни пристально смотрела на незнакомца, удивляясь жадному любопытству, которое прозвучало в его голосе, а потом подумала: «Дело нечисто! Кажется, одними разговорами мы не ограничимся, ой нет!»

— Скажите, — проговорила с той же серьезностью она и обхватила руками плечи, которые начало пробирать холодком (хоть Фанни и была одета в теплую фланелевую кофту с бодренькой надписью «Speed», но кофта годилась только для бодрой утренней пробежки, а вовсе не для стояния над Сеной промозглым февральским утром, когда столбик термометра едва поднялся выше пяти градусов), — скажите, мсье, а что заставляет вас задавать мне такие странные вопросы? Вы психолог? Вы занимаетесь проблемами суицида и вам нужны житейские примеры для научной работы?

Незнакомец помедлил, как бы мысленно переводя ее слова с французского на свой родной язык, и про-

молчал, со смущенной улыбкой лишь покачав 11
головой.

— Или вы флик, который боится, что на его глазах может произойти такое нарушение закона республики, как самоубийство, и пытается предотвратить преступление?

Он снова помедлил, вникая в смысл ее слов, и опять покачал головой. И даже хмыкнул, подчеркивая нелепость такого предположения все так же молча.

— Или вы... — Фанни заглянула в его серые глаза и обнаружила, что они вовсе не такие уж холодные, как ей сначала показалось: на самом деле они были серо-голубые, ясные. Настолько ясные, что Фанни с легкостью смогла кое-что в них прочесть, поэтому она затаенно усмехнулась и решительно продолжила: — Или вы намерены таким образом выяснить, замужем ли я, сколько у меня детей и будет ли кто-то нам мешать, если я приглашу вас к себе?

Забавно было наблюдать за его лицом. Мгновение на нем еще оставалась приклеенной вежливая улыбка — маска, за которой совершался торопливый перевод. Но вот смысл слов Фанни дошел до незнакомца, и он оторопел... Однако Фанни сразу поняла: это вовсе не была оторопь отвращения. Да, сначала незнакомец растерялся от неожиданности, но через миг дерзкая (о да, на сей раз без сомнения дерзкая!) улыбка тронула его четко прорисованные губы:

— Ну да, вы угадали, мадам. Я именно это хотел узнать. Видите ли, я только недавно прилетел в Париж. Дела мои идут не так хорошо, как хотелось бы, и я чувствую себя невероятно одиноким...

Сначала он смотрел в глаза Фанни, а потом перевел взгляд на ее грудь, и она вдруг ощутила, как напряглись у нее соски. Тогда Фанни тоже перестала таращиться в его улыбчивое лицо и перевела глаза туда, куда ужасно хотят, но стесняются посмотреть все приличные женщины. А поскольку Фанни вовсе не считала себя приличной женщиной, она решительно посмотрела на ширинку его джинсов.

О-очень интересная картина! Если соски Фанни вполне могли напрячься от холода, который пронизывал

12   ее все сильнее, то вот эта выпуклость, видная меж полами щеголевато распахнутой куртки, вряд ли объяснима чем-то иным, кроме...

«Странный мужчина, — успела подумать Фанни, чувствуя, что у нее пересыхают губы. — Может быть, какой-нибудь маньяк? Надо отправить его к черту!»

Лучше бы она так и поступила! Ведь на его счету уже была одна смерть, хотя кое-кто был убежден, что даже две... Другое дело, что в этих смертях он был неповинен, вернее, в одной повинен лишь косвенно, а к другой вообще не имел никакого отношения, кроме того, что присвоил нечто, принадлежащее мертвому... Ну, так или иначе две чужие погибшие жизни владелись за его плечами, словно две черные неотступные тени, а скоро к ним прибавится и третья...

Итак, Фанни подумала, что не худо бы отправить этого легко возбудимого мужчину к черту. Но то был последний проблеск здравого смысла перед тем, как она влюбилась в него — так сказать, с первого взгляда.

Впрочем, она всегда влюблялась в своих мужчин с первого взгляда. В крайнем случае со второго — открыв затуманенные глаза после секса (если секс бывал удачен). Однако ничего подобного тому, что Фанни испытывала сейчас, с ней еще не происходило! Правда, она всегда пребывала в уверенности, что ничего подобного тому, что происходит в данный момент, с ней еще не происходило. Новое платье — всегда самое лучшее, это знает каждая женщина.

Лоран, это и был Лоран... Или не Лоран, какая разница! Фанни его так называла, чтобы не ломать язык на его настоящем имени, но все — все! — больше ей так называть некого. Его больше нет в жизни Фанни, она потеряла его по собственной дурости, потеряла меньше чем через полгода после того, как обрела, после того, как поверила, что может наконец-то стать счастливой. И вот с тех пор она каждый день продолжает прибегать по утрам на Пон-Неф, жадно отыскивая глазами широкоплечую фигуру, и темные волосы, и промельк улыбки

в серо-голубых глазах, а не найдя Лорана, снова и снова приостанавливается около каменной скамьи, смотрит на зеленую воду Сены (в Сене всегда зеленая вода, зимой и летом, весной и осенью, в дождь и при солнце) и думает, что настанет, обязательно настанет наконец день, когда она или дождется здесь Лорана, или все же перегнется через парапет слишком сильно, так что носки ее кроссовок оторвутся от мостовой, и Фанни потеряет равновесие, перевалится вниз... Но она не даст своему телу задержаться на спасительном выступе, а скатится с него, рухнет в темно-зеленую стын Сены, которая сразу отнимет у нее дыхание... а потом ее рыжие волосы и бледное лицо сведут с ума раннего прохожего, к примеру, туриста-японца, который будет тарашиться на нее с какого-нибудь другого моста, например, с Пон-дез-Арт или Пон-дю-Карусель, и думать, есть, мол, нечто жуткое и завораживающее в этой картине — утопленница, несомая течением...

Фанни передернула плечами, отгоняя привычно наваливающийся на нее утренний кошмар, еще раз негодуяще взглянула на тщедушного наглеца в сизых джинсах, который занял священное для нее место, и совсем было собралась бежать дальше, так и не исполнив непрямого утреннего ритуала, как вдруг заметила, что парень слишком уж перегнулся через парапет. Носки его кроссовок почти оторвались от мостовой, он вот-вот рухнет вниз.

И он склоняется еще сильнее! Он с ума сошел!

* * *

Валерий Сергеевич Константинов умер в ночь на понедельник, 31 января, на четырнадцатом месте четвертого купе шестого вагона скорого поезда «Нижегородец» сообщением Горький — Москва (несмотря на то, что Нижний Новгород давно обрел свое историческое название, железнодорожники упорно продолжают именовать его Горьким, то ли для скорости произношения и написания, то ли еще по каким-то своим

14 тайным железнодорожным причинам). Смерть Константинова на первый взгляд выглядела вполне естественной — никаких следов насилия и прочего криминала: уснул человек и не проснулся. Тихая, милосердная смерть. Между нами говоря, кто из нормальных людей, срок земного бытия которых с каждым годом становится все короче, не мечтает о такой тихой смерти — конечно, желательно бы не в вагоне поезда, пусть даже скорого и даже сообщением Горький — Москва, а в собственной постели... но это уж кому как повезет. Можно было бы считать, что Константинову тоже повезло, хотя вроде бы рановато умирать пятидесятипятилетнему мужчине. С другой стороны, всякое бывает, и вообще, процент ранних смертей у мужчин куда выше, чем у женщин! Однако работникам милиции по долгу службы положено предполагать криминал даже там, где его нет и быть не может. Ведь Константинов вполне мог быть, например, отравлен. Конечно, вскрытие покажет причину, но ситуацию однозначно делало подозрительной исчезновение попутчиков покойного.

Впрочем, в том, что на месте не оказалось двоих из них, ничего подозрительного не было: они сошли на своей станции в половине шестого утра. Копии проездных документов у проводницы сохранились: билеты ровно неделю тому назад приобрели супруги Шаповаловы, пенсионеры, решившие навестить внука, которому 31 января исполнялось восемнадцать. Конечно, вполне могло статься, что Шаповаловы нарочно подгадали поездку к тому времени, когда Валерий Константинов отправится по каким-то неведомым своим делам в Москву, и совершеннолетие внука было не более чем попыткой создать алиби, однако свои билеты они купили на два дня раньше, чем покойный Константинов. Купить билеты на два дня раньше и оказаться в одном купе с будущей жертвой — это устроить не так-то просто... Либо следует предположить участие в деле сообщника из числа железнодорожников, например билетной кассирши, либо такую степень совпадения случайностей, которой не отыщешь даже в романчике какой-нибудь дамы-детективщицы, самой пылкой любительницы невероятных совпадений.

Пожалуй, Шаповаловы как кандидаты на роль преступников отпадали изначально. Самое большее, на что они годились, — это быть свидетелями.

Вот только свидетелями чего?

Но пока бог с ними, с Шаповаловыми, тем паче что они ни в чем не повинны.

Гораздо больший интерес у дознавателей вызывала личность еще одного попутчика покойного Константинова — четвертого пассажира купе, ехавшего на шестнадцатом месте. Хотя бы потому, что эта самая личность оказалась неизвестна. То есть потом, после соответствующего запроса, из данных, сохранившихся в компьютере, выяснилось, что билет на данное место был продан некоему Ломакину А.Н. (номер паспорта такой-то, прописан в Нижнем Новгороде там-то). Учитывая, что Ломакин покупал билет почти одновременно с Константиновым и даже в одной кассе с ним, упомянутый гражданин вполне годился на роль объекта милицейских розысков. Однако вся странность состояла в том, что Ломакин на своем месте не ехал! То есть, когда поезд отошел от вокзала и проводница начала проверять билеты, оказалось, что пассажир не явился к отправлению.

Такое бывает. Например, опоздал. Или передумал ехать, а билет сдать не успел. Или потерял билет. Или вообще в больницу попал, уже не до билета стало, не до поездки и не до Москвы. Да умер, в конце концов!

Проводница Якушкина сообщила о наличии свободного места начальнику поезда, и тот решил осчастливить мужчину, который ворвался в поезд за несколько минут до отправления и принялся умолять начальника найти ему свободное местечко.

Такое бывает сплошь и рядом. Особенно по понедельникам. Особенно если понедельник приходится на тридцать первое число. В дни (вернее, ночи) таких поистине роковых совпадений второй, вечерний поезд из Нижнего в Москву, в народе по старинке именуемый «Ярмарка», хотя официально он зовется теперь как-то иначе, отчего-то не ходит. И вся нагрузка (а народу в Москву к понедельнику рвется чертова уйма!) ложится на бедный «Нижегородец», который тогда просто-таки трещит по швам. Начальники поездов пускают пассажи-